

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 4, pp. 834–846, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-834-846

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
(*Mongolian Studies*)
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398.22:821.512.36

UDC 398.22:821.512.36

Главный герой и событийный охват в ойратских эпopeях (на примере эпopeй «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» и «Бум Эрдэни»)

Евдокия Эрендженовна Хабунова¹,
Виктор Янжиндулам²

The Main Character and Event Coverage in Oirat Epics (using the Example of the Epics “Kigiyin-Kiytyun-Keke-Tion-Kekz-Temur-Zewe” and “Bum Erdeni”)

Evdokia E. Khabunova¹,
Victor Yanjindulam²

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova[at]mail.ru

¹ B. B. Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

² Западный филиал Монгольского государственного университета (Ш/х 16/4300, 213500 Ховд, Монголия)

доктор филологических наук, доцент

0000-0003-3373-3414. E-mail: yanjinctor[at]gmail.com

² Western branch of National University of Mongolia (P/a 16/4300, 213500 Khovd, Mongolia)

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Хабунова Е. Э., Виктор Янжиндулам, 2025

© Khabunova E. E., Victor Yanjindulam, 2025

Аннотация. *Введение.* В сокровищнице эпического наследия монгольских народов достойное место занимают героические эпопеи ойратов Северо-Западной Монголии. Каждая эпопея является высокохудожественным поэтическим произведением, в котором излагается «история одного героя», сюжет развивается гармонично и насыщен событийностью. К таковым относится и эпопея «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве», которая до сих пор не была предметом специального анализа, что актуализирует исследуемую нами проблему. Цель статьи — анализ изображаемых в эпопеях «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» и «Бум Эрдэни» событий с участием главного героя. Основным материалом для исследования послужил текст ойратской эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» сказите-

ля М. Парчина, для сравнительного анализа привлекался эпос «Бум Эрдени» из репертуара этого же туульчи. В работе применялись такие *методы* как сравнительно-типологический, сравнительно-исторический, структурно-семантический, описательный, важные для сравнительного изучения эпических памятников, выявления особенностей формирования сюжета ойратского героического эпоса в рамках локальной традиции и репертуара сказителя. *Результаты.* События (рождение героя, обретение коня и оружия, брачная поездка, борьба с противниками-мангурами, побратимство, возвращение с невестой и добычей), формирующие движение сюжета эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве», базируются на коллизиях матри monialного характера и связаны с пространственным перемещением главного героя. Главный герой эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» характеризуется качествами, свойственными богатырям других ойратских эпосов: он «лучший из мужей», решителен и отважен, обладает сверхъестественной силой и магическими способностями, побеждает противников, приходит на помощь богатырям-побратимам. Появление в разных эпосах («Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» и «Бум Эрдени») героя с одинаковым именем (Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве), набором схожих черт и достоинств (непревзойденный стрелок, благородный жених, могущественный противник, надежный побратим и др.) допускает возможность выпадения (синкопы) или перемещения какого-либо эпизода в эпическом сюжете в рамках локальной сказительской традиции. *Выводы.* Эпопею «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве», в которой воспевается подвиг богатыря, победившего врагов — зловредных мангусов, оказавшего помощь богатырям-побратимам, добывшего невесту с богатым приданым и обеспечившего своим подданным мирную и привольную жизнь, можно отнести ко второй группе ойратских героических эпопеи по классификации Б. Я. Владимирцова.

Ключевые слова: ойратский эпос, Б. Я. Владимирцов, «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве», главный герой, событийность, сюжет, богатырское сражение, синкопа

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Эпический ландшафт ойратов России, Монголии и Китая (от архаического эпоса до книжного текста)» (№ 24-48-03026, <https://rscf.ru/project/24-48-03026/>).

Для цитирования: Хабунова Е. Э., Виктор Янжиндулам. Главный герой и событийный охват в ойратских эпопеях (на примере эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» и «Бум Эрдени») // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 4. С. 834–846. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-834-846

Abstract. *Introduction.* In the treasury of the epic heritage of the Mongolian peoples, the heroic epics of the Oirats of North-Western Mongolia occupy a worthy place. Each epic is a highly artistic poetic work that tells the “story of a single hero,” with a harmonious and eventful plot. This includes the epic “Kigiyin-Kiytyun-Kekke-Temur-Zewe,” which has not yet been the subject of a special analysis, which makes the problem we are studying relevant. *The purpose* of this article is to analyze the events depicted in the epic “Kigiyin-Kiytyun-Kekke-Temur-Zewe” involving the main character. *The main material* for the study was the text of the Oirat epic “Kigiyin-Kiytyun-Kekke-Temur-Zewe” by the storyteller M. Parchin, and the epic “Bum Erdeni” from the same tuuulchi’s repertoire was used for comparative analysis. The study used *methodological approaches* that are important for the comparative study of epic monuments and the identification of the features of the formation of the plot of the Oirat heroic epic within the framework of the local tradition and the repertoire of the storyteller. *Results.* The events (the birth of the hero, the acquisition of a horse and weapons, the marriage

trip, the fight against the Mangus enemies, the brotherhood, and the return with the bride and the loot), which form the plot of the epic “Kigiyin-Kiytyun-Kekke-Temur-Zewe,” are based on matrimonial conflicts and are related to the spatial movement of the main character. The main character of the epic “Kigiyin-Kiytyun-Kekke-Temur-Zewe” is characterized by the qualities of other Oirat epic heroes: he is “the best of men”, determined and courageous, possesses supernatural strength and magical abilities, defeats his enemies, and comes to the aid of his fellow heroes. The appearance of a hero with the same name (Kigiyin-Kiytyun-Kekke-Temur-Zewe) and a set of similar traits and virtues (an unrivaled archer, a noble suitor, a powerful adversary, a reliable brother-in-arms, etc.) in different epics (Kigiyin-Kiytyun-Kekke-Temur-Zewe and Boom Erdeni) allows for the possibility of a drop-out (syncope) or the movement of an episode in the epic plot within the local storytelling tradition. *Conclusions.* The epic “Kigiyin-Kiytyun-Kekke-Temur-Zewe”, which glorifies the feat of a hero who defeated his enemies, the evil Mangus, helped his fellow heroes, obtained a bride with a rich dowry, and ensured a peaceful and prosperous life for his subjects, can be classified as the second group of Oirat heroic epics according to B. Ya. Vladimirtsov’s classification.

Keywords: Oirat epic, B. Ya. Vladimirtsov, “Kigiyin-Kiytyun-Keké-Temür-Zewe”, main character, events, plot, heroic battle, syncope

Acknowledgments. The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 24-48-03026, <https://rsccf.ru/project/24-48-03026/> “The Epic Landscape of the Oirats of Russia, Mongolia, and China (from Archaic Epic to Book Text)”.

For citation: Khabunova E. E., Victor Yanjindulam. The Main Character and Event Coverage in Oirat Epics (using the Example of the Epics “Kigiyin-Kiytyun-Keke-Temur-Zewe” and “Bum Erdeni”). *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 4. Pp. 834–846. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-4-834-846

1. Введение

Характеризуя состояние монгольского эпоса на начало XX столетия, крупнейший российский монголовед Б. Я. Владимицров отметил, что «*нигде в Монголии эпос не достигает такой завершенности, такого развития, как среди ойратских племен Северо-Западной Монголии*» [Владимицров 2003: 339].

Ойратские героические эпопеи *туули*, являясь одним из самобытных проявлений эпической традиции монгольских народов, обладают общностью идеино-тематического диапазона, композиционно-стилистических признаков и эстетических установок, выделяющей их из общемонгольской эпической среды, на что обращалось внимание исследователей, изучавших отдельные аспекты эпического творчества ойратов Западной Монголии [Борджанова 1978; Бичеев 2024; Кичиков 1976; Кичиков 1985; Манджиева 2004; Неклюдов 1984; Неклюдов 2019; Садалова, Паштакова 2025; Хабунова, Аюушжавийн 2025; Хабунова 2025; и др.].

Преемственность сказительской традиции и популярность эпических произведений в среде ойратов на протяжении многих столетий обеспечили сохранность стадиальной многослойности ойратских эпопей: в них осталась архаическая основа, отражающая мифологические взгляды о могуществе небесной силы, отразился процесс героизации эпических персонажей — земных богатырей и адаптации эпических сюжетов в новых условиях. С учетом этих особенностей Б. Я. Владимицров, наблюдавший эпическое творчество изнутри во время своих длительных командировок (1908, 1911–1912, 1913–1915 гг.), вы-

делил три группы ойратских эпопей Северо-Западной Монголии» [Владимирцов 2003: 357]. К первой группе отнесены эпопеи, в которых важными персонажами являются небесные силы, духи, с помощью которых эпические герои ведут борьбу со своими противниками, иногда они сами являются сыновьями этого неба и небесных духов или перевоплотившимися духами [Владимирцов 2003: 357]. Ко второй группе — былины, воспевающие славных богатырей-аристократов, их подвиги, приключения, борьбу для того, чтобы «*добыть себе славное имя богатыря, добыть себе красавицу, чудесную жену, чтобы захватить тучные пастища, стада и народ, поразить и уничтожить врагов в округе и водворить мир и благоденствие*» [Владимирцов 2003: 358]. Былины-новеллы, отличающиеся «*большой стройностью и красотой*», изображающие в большей степени картину мирной жизни, чем богатырские баталии, выделены в последнюю группу [Владимирцов 2003: 359].

Эпические произведения ойратов («Бум Эрдени», «Дайни Кюрюль», «Хан Харангуй», «Кигийн Кийтюн Кэкэ Тэмюр Зеве» «Эргэл Тюргэл», «Бюргэд хар», «Хан Чингэл», «Шар бодонг», «Эгэл Мергэн» и др.), бытовавшие в Северо-Западной Монголии, характеризуются схожими признаками, главный из которых — «*совершенство структуры, выраженное в том, что сюжет эпоса развивается гармонично и все его части построены по одной общей схеме*» [Владимирцов 2003: 346], при этом в них, как отмечает Б. Я. Владимирцов, «*сильно разнятся детали, отличаются описания тех или других эпизодов жизни героев, отличаются и сами богатыри*» [Владимирцов 2003: 346].

Наличие или отсутствие развернутого описания богатырского сражения в эпическом сюжете послужило для Б. Я. Владимирцова основным критерием дифференциации ойратских эпопеи на группы. Так, выделяя «эпопею-новеллу» в отдельную группу, ученый отмечает ряд характеризующих ее признаков: отсутствие описаний битв, сражений и борьбы героя с противниками и чудовищами, манифестация исключительности героя через восхваление его богатырских достоинств, его обширных владений, тучных стад, его боевого коня, а также наличие подробного, патетического и поэтического описания свадьбы и всех перипетий свадебного действия [Владимирцов 2003: 359].

К числу эпопеи, популярных среди ойратов и известных в репертуаре байтского сказителя Маньханы Парчина (1855–1926), относится произведение «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве»¹, усвоенное им от байта Жалсан-тайджи [Бальчигигийн 2006: 9–12].

В данной статье попытаемся рассмотреть ойратские эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» и «Бум Эрдени» с позиций событийного охвата действий, в которых важная роль отводится главному герою. Исходя из этого, определим его позицию в классификации Б. Я. Владимирцова. В статье используется оригинальный текст «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве», опубликованный в книге «Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия)» [Владимирцов 1926: 133–150].

2. Событийность эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве»

Центральное событие, изображаемое в произведении, составляет основу сюжета. Сюжетное ядро эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве» представляет

¹ Название эпической песни в данной статье приводится в соответствии с источником [Владимирцов 2003: 483].

собой историю богатырской поездки главного героя к своей суженой в дальнюю страну. Предполагается, что событие такого плана должно найти отражение в описании приключений, брачных испытаний героя и других действий, нарушающих привычный ход повседневности.

Совокупность действий, формирующая событийность ойратской эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зеве», на первый взгляд типична для эпоса в целом и связана с коллизиями матrimониального характера. В рассматриваемом произведении подробно описаны рождение, богатырское детство, обретение коня, оружия и доспехов, предшествующие главному событию — женитьбе Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зеве.

В истории рождения героя отмечаются факты, подробно описываемые и в других эпосах монгольских народов. Появление героя на свет связано с временем мифологического первотворения: *Эрт урд өнгрэсн цагт, / Девенгер бурхна суул негн сэн цагт, / Эрк Домб Шагж тив бурхна / экн турун негн сан цагт, / тогтгсн тэр шажн хойр гилэ уй. / Тэр шажн, нутг усна ээн болад төргсн, сэн эр гила уй* ‘В давнее прошлое время, в конце славного века Будды Дипанкара, в самом начале славного века Будды Шакьямуни утвердились, говорят, держава и вера. Рожден владыкой державы, веры и кочевий, говорят, лучший из мужей’ [Владимирцов 1926: 133]¹.

Рождение и богатырское детство Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зева указывают на его избранность и исключительные качества: он рожден повелителем богатого Алтая-Хангая, не знает недостатка в наслаждениях и увеселениях, он лучший из славных богатырей, уверен в своем особом предназначении и, не нуждаясь в советчиках, сам определяет свою цель и задачи: *Би чидлтэ төргсн сэн эр болвл, / атн темэн ацата Элэр улс олзта / Хотор мал тууһад, / Хошуунар күм нуулһад, / Аавинин баҳыг хаңһад / Ээжинин аңгер шар уурhin / Ачиg харүлэд ирсв!* ‘Коль я родился могучим и славным богатырем, то возвращусь я с добычей, с покоренными народами, с тучными стадами. Прогоню их через мои владения и кочевья, ублажая отца, воздавая заслуги матери за ее серо-желтое молозиво!’ [Владимирцов 1926: 134].

Событием, побудившим героя к незамедлительному действию, становится весть о девушке, которая оживляет мертвых, восстанавливает погибшее: на сухом дереве заставляет листья вырасти, по сухому руслу воду побежать и находится на расстоянии «девяноста девяти лет пути» [Владимирцов 1926: 135]. Подробное описание многокомпонентного процесса снаряжения богатыря (кольчуга, шлем, лук со стрелами, меч с копьем) и его коня предполагает, что дальний путь будет сопряжен с трудностями и опасными происшествиями, но этого не случается, и Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зеве без препятствий, приключений и столкновений преодолевает огромное расстояние и прибывает во дворец хана-тестя.

3. Главный герой в череде событий

Событийная очередность эпического повествования определяется хронологической последовательностью действий, в которые вовлечен герой. В рассматриваемой эпопее первоначальную мотивацию его брачной поездки (забрать невесту, при этом убив ее семерых братьев-батыров) нарушает реакция героя на хитроумный ход родителей невесты, пытающихся уберечь своих сыновей от

¹ Здесь и далее приводится перевод Е. Э. Хабуновой.

грозного богатыря. Супруга предлагает хану усыпить приближающегося гостя заговоренным снадобьем, но хан находит другое решение — встречает гостя подношением в виде материнского молока, испив которое, герой становится побратимом для их сыновей, сражающихся с чудовищами-мангусами.

Статус побратима определяет ход дальнейших событий: герой отправляется на помошь братьям невесты и сражается с черными мангусами. Однако в эпической песне отсутствует подробное описание батальных сцен, оно заменено констатацией лишь результата схватки, которая в эпическом тексте вылилась в десять стихотворных строк: *Тер далн тавн толнаат / Даю хар маңсиг / Дархн һалзн мөртәнинь / долан әңг шу чавчад, / нәэмн тал болнаад уннав. / Түүни дару, / уда тоша иргсн маңсудиг / тав тав әңг, / таср-таср чавчж үннанаад йовхд / тере мангсуд <...> / алтн делкә дүүрәд кевтнә.* ‘Того семидесятипятиголового Даю Хара мангаса вместе с его конем Дархан Галзаном разрубил на семьдесят частей, разбросал по восьми сторонам. Затем порубил на пять частей оставшихся мангусов <...> те мангусы полегли, заполнив землю’ [Владимирцов 1926: 141].

Лаконичность описания борьбы героя с мангусами указывает на то, что выделяются не воинские качества богатыря, а его родственные отношения с семерыми братьями невесты, ради которых он сразился, чтобы стать для них надежной защитой — «стременем, ребром». Описание сражения Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зeve и его побратима Догшин-Чингиль с чудищем — матерью мангусов и ее детенышем также не отличается детализацией: *Гинт хар болд ул-дэрн / тер эмэн бөкс чеежэр тас чавчад оркхла, / <...> тер көвүг бөкс чеежэрнү / тас чавчад оркхла, / <...> уулын чинен һал түләд, / улхн чинен цог шилгәд, / аврн хар эм маңс көвүтәнинь / туумрдәд, уга көж өркад* ‘Своим острым черным булатным мечом перерубил пополам ту дьяволицу, отделив грудь от живота <...> ударили того черного мангусенка, перерубил его пополам, <...> разожгли костер величиной с гору, подгребли угли величиной с пригорок и сожгли дотла огромную черную дьяволицу вместе с ее дьяволенком’ [Владимирцов 1926: 144].

Поэтической выразительностью и конкретизацией отличается эпизод, передающий перипетии обнаружения и искоренения души зловредных существ и тонкости владения героем луком и стрелой: насадил быструю белую стрелу на свой крепкий желто-пестрый лук; стал натягивать его с утренним желтым солнцем, а спускать стал стрелу с полдневным желтым солнышком <...> напшелтав волшебной стреле: «*Пробей ты насквозь черный шалааш, превратись в черно-пеструю осу величиной с трехлетнего барана и начинай жалить толстые бедра трехлетней черной коровы, гнать ее вон!*» [Владимирцов 2003: 489].

Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зeve, обладатель девяносто девяти чудесных достоинств, «убирает» небесное солнце и на луке своего седла устанавливает солнце величиной с коленную чашку, к которой устремились все пернатые, включая трех птенчиков — обиталищ души мангусов, раздавив которых, герой продолжает путь благодеяния. С помощью своей волшебной стрелы герою удается преодолеть труднопроходимую чащу, добраться до восьми красавиц, превращенных мангусами в пауков, освободить их и очистить благодатным нектарным дождем.

Магическими действиями герой из конских волосков создает темно-рыжих коней с седлами и уздами, на которых отправляет небесных красавиц к себе домой. Возвращение Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зeve к хану-тестю с его

сыновьями-батырами и красавицами, спасенными им, с добычей и новыми подданными дает право забрать невесту с необычным приданым — золотыми Ганджуром и Данджуром, навьюченными на тысячу пятьсот верблюдов.

Свадебный пир знаменует благополучное завершение брачной поездки героя, а подтверждением его богатырских деяний в рассматриваемой эпопее является лишь упоминание о том, что «не стало над ним врагов-недругов, с которыми надо было бы сражаться» [Владимирцов 2003: 492].

4. «Сказительская синкопа»

Б. Я. Владимирцовым была отмечена способность ойратских туульчи нести в себе «запасы … „общих мест“», которые талантливый *туульчи* мог искусно комбинировать по-разному, «схемы различных описаний» при каждом исполнении эпопеи, то удлиняя или растягивая разные эпизоды, то делая его сухим и обрывистым, в зависимости от настроения и от состава слушателей [Владимирцов 2003: 353].

Факты опущения или выпадения отдельных частей текста эпоса, которые не нарушают логику повествования и даже оправданы смыслом, были определены В. М. Гацаком как «сказительская синкопа» [Гацак 1971: 21]. Такое явление он связывает не столько «с фактором памяти, сколько с темпом и инерцией повествования, с причинами чисто художественного порядка» [Гацак 1971: 18–19].

В эпической традиции монгольских народов сказитель, сокращая текст при его воспроизведении за счет пропуска отдельных фрагментов (например, из серии типовых описаний богатырского сражения), обязан завершить повествование констатацией возвращения героя в свою страну: *туульч замдаа илгээсэн баатраа гэртээ авчрах естай* ‘сказитель должен вернуть домой богатыря, которого он отправил в путь’ [ПМА 2019].

Сказитель мог расширить событийность эпоса в целом за счет включения понравившегося эпизода из репертуара другого сказителя в текст «своего» эпоса. Удлинение и «разбухание» текста как одну из «самых ярких черт эпической стилистики» эпоса отмечены С. Ю. Неклюдовым [Неклюдов 2019: 44–45]. Известно, что туульчи легко запоминали тексты полюбившихся сказаний, так, М. Парчин усвоил героические эпopeи, услышанные им от байтских туульчи: «Бум Эрдени» — от Бурул-Сесрина, «Дайни-Кюрюль» — от Шериба, «Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зeve» — от Жалсана и др. [Бальчигигийн 2006: 9–12].

Герои ойратских эпopeй, усвоенных М. Парчином от разных сказителей, также могли переходить из одного произведения в другое. Например, в эпосе «Бум Эрдени» появляется богатырь Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зeve. Таким же именем наделен главный герой эпopeи «Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зeve» [Владимирцов 2003: 369–407].

Наличие эпизода о богатырском сражении Бум Эрдени и Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зeve в эпосе «Бум Эрдени» наводит на мысль о возможной творческой комбинации сюжетных схем, скорее всего по этой причине лишившей эпopeю «Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зeve» батальных сцен (описания поединка богатырей), и напротив, украсившей им эпос «Бум Эрдени».

«Всякий сюжет — не только специфическая реальность эпического памятника, извлекаемая из совокупности его текстов, но и некая возможность, вероятность развертывания этой реальности в разных направлениях; равным

образом сюжет может нести в себе следы неосуществившихся реализаций или реализаций, некогда осуществившихся и утраченных затем традицией» [Путилов 1988: 137]. Повествование многих ойратских эпических сказаний состоит из двух, а иногда и более сюжетных ходов, в которых описывается очередная победа богатыря над противником, оказавшимся могущественнее предыдущего. Как правило, в эпосах подобного типа параллельно реализуются как воинская, так и матримониальная коллизии. При исполнении ойратского эпоса две сюжетные линии о борьбе эпического героя-богатыря с врагами и о состязании-столкновении с соперниками, в зависимости от обстоятельств и настроения слушателя, могли развиваться по-разному: они могли стать как дополнением друг другу, так и исключением одной из них, не выходя за рамки одной традиции (локальной, сказительской), так как «любой эпический сюжет оказывается результатом выбора из ограниченных (хотя и довольно широких) возможностей» [Путилов 1988: 145]. Не воспроизведенный эпизод эпоса, оставаясь в «запасе» ойратского туульчи, мог «всплыть» в сюжете другого произведения из его репертуара. Здесь важно учесть привязанность изображаемых событий к определенным персонажам, так как именно их действия образуют сюжетную линию эпического повествования. Во время экспедиций в Западной Монголии и бесед с исполнителями ойратского эпоса (2007, 2012, 2019 гг.) одному из авторов данной статьи не раз приходилось слышать о подобных фактах.

Рассмотрим сюжетную линию, иллюстрирующую историю богатыря Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зeve — героя ойратского эпоса «Бум Эрдени, лучший из витязей, сын Бурхан-хана и Бурам-ханши» из репертуара туульчи М. Парчина [Владимирцов 2003: 369–407].

«Бум Эрдени» может быть отнесен к «большим формам» эпоса по своему событийному охвату, включающему несколько эпизодов о богатырских сражениях главного героя с разными противниками во время брачной поездки. Столкновение Бум Эрдени с соперником-богатырем Хаджир-Хара, начавшись со взаимных угроз, по настоянию хана, отца невесты, перерастает в совместную поездку навстречу его врагам. Состязание на быстроту бега коней и крепость мужских тел, которое устраивают два богатыря в пути, скорее носят дружеский характер, чем сопернический. Подробное описание всех этапов длительного сражения богатырей с мангусами, с их материю-бесовкой и победы над ними, побуждает героев к повторному состязанию друг с другом ради определения первенства. Проверка силы «плеч и лопаток», подтвердившая превосходство главного героя Бум Эрдени, завершается клятвой побратимства. В качестве брата Хаджир-Хара сватает красавицу Тюмен-Солонго за Бум Эрдени, свадебное пиршество завершается обретением невесты с приданым — золотыми Ганджуром и Данджуром [Владимирцов 2003: 406].

Напряженная и продолжительная схватка с врагами, захватившими владения и поданных побратима Хаджир-Хара во время его длительного отсутствия, передает накал воинских столкновений, но матримониальная направленность событий проявляется в финальной части конфликта. Очередную победу побратимов над противниками — братьями-силачами Хада и Харгай — венчают возвращение невесты Хаджир-Хара из полона, пиршество, обретение новых поданных и стойбищ. Мирная жизнь и пиршства время от времени прерываются битвами богатырей с новыми врагами и устранением всевозможных препятствий на пути [Владимирцов 2003: 392–407].

Событийностью в эпосе «Бум Эрдени» отмечается и эпизод о столкновении главного героя с богатырем Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зеве — потенциальному «враге-неприятелю», соседство с которым вызывает опасение у старшего табунщика Ак-сахала. О неординарности соседствующего противника и его скрытых достоинствах свидетельствует назидание проницательного Ак-сахала Бум Эрдени — отправляться в поход без сопровождения побратима и верных помощников — собаки и беркута, что может нейтрализовать враждебность Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зеве и создать благоприятную обстановку для побратимства.

Проявлением физической моли Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зеве в эпосе «Бум Эрдени» служит его внешний облик: красный богатырь, правым плечом закрывает лучи солнца, левым — свет луны, макушка шлема упирается в небо [Владимирцов 2003: 403]; крепче всех людей шеей, крепче всех витязей плечами [Владимирцов 2003: 406]. Этими же качествами обладает и главный герой «Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зеве», «сияющий как солнце», родившийся с «совершенным телом, с мясом, кровью, костями», при приближении которого «сопрясается Вечное небо, дрожит земля» [Владимирцов 2003: 484–495].

Проявление воинских качеств Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зеве в эпосе «Бум Эрдени» проиллюстрировано в подробном описании богатырского сражения с равным противником — богатырем, а не только с демоническими существами — мангасами, как в «Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зеве»: два богатыря рубятся до тех пор, пока лезвия их мечей не обломились; кололись пиками, пока пики не притупились; стреляли в друг друга из лука, пока стрелы не сломались [Владимирцов 2003: 404].

Особого внимания в эпосе «Бум Эрдени» заслуживает эпизод поединка, характеризующий Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зеве как воина, искусно владеющего луком и стрелой. Эта особенность богатыря отражена в его имени (Воздушно-холодно-сине-железное оружие), в подробном описании стрельбы стрелами, заговоренными самим богатырем, как и в эпопее «Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зеве». Детализация заключительного этапа сражения в виде стрельбы из лука передает накал противоборства, неуязвимость и равенство богатырей, «рожденных в один день и в один час» [Владимирцов 2003: 403–405].

Сюжет о столкновении Бум Эрдени с Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зеве замыкает историю его побед с последующим братанием с достойным противником и визитом в его ставку, где совместное пиршество завершается откочевкой Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зеве к брату для продолжения увеселений и мирного существования. Вместе с ним откочевывают его подданные и жена, владеющая чудесным даром (оживляет умерших, поднимает павших, на сухом дереве заставит листья распуститься, по сухому руслу заставит воду бежать) и каноническим собранием буддийских текстов — священными Ганджуром и Данджуром, которые увозит с собой в качестве приданого [Владимирцов 2003: 373]. Такими же качествами и богатством обладает невеста главного героя эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зеве» [Владимирцов 2003: 491].

Отпечаток буддизма в ойратских эпopeях проявляется не только в упоминаниях буддийских культов, в описаниях буддийских монастырей и храмов, но и вовлеченности персонажей буддийского пантеона в орбиту эпических коллизий. Так, в эпопее «Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зеве» развитие сюжета строится на

событиях, связанных с борьбой главного героя и его побратима с семьюдесятью пятью черными мангусами и их воплощениями, которых не убил в свое время красный богатырь Нагарджуна с восемьюдесятью восемью косичками [Владимирцов 2003: 488]. В данном персонаже можно усмотреть трансформацию образа буддийского монаха, учителя Нагарджуны, изображаемого в буддийской иконографии в одеяниях красного цвета и со змеями над головой (= косички в художественном преломлении эпоса).

Эпизод о финальном сражении из эпоса «Бум Эрдени» мог быть ярким дополнением к богатырской биографии главного героя эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зеве», мог расширить событийный диапазон произведения, тем самым приравнять его к нарративам, отнесенным Б. Я. Владимирцовым ко второй группе былин, воспевающих «славных богатырей-аристократов, их подвиги, приключения, борьбу» [Владимирцов 2003: 358–359].

Можно предположить, что на позднейшей стадии бытования ойратского эпоса синкопа стала допустимой и даже органичной в рамках локальной и сказительской традиций, а сжатие эпического сюжета в эпосе «Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зеве» за счет «урезания промежуточных, повторяющихся слагаемых» [Гацак 1971: 21], возможно, компенсировалось расширением других эпизодов, повествующих, например, об истории побратимства главного героя с братьями его суженой, которых он намеревался убить, отправляясь в брачное путешествие, а впоследствии защитил их от врагов [Владимирцов 2003: 487–488].

Возможно, сокращение ойратским сказителем М. Парчином сюжета эпоса за счет опущения эпизода о богатырском сражении для приглушения воинской тематики могло быть оправданным в условиях спада политической активности ойратов в конце XIX – начале XX в. и связанной с этим деактуализацией темы героических подвигов в эпической традиции ойратов.

5. Заключение

Анализ показал, что наличие персонажа с одинаковым именем Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зеве, схожими качествами и ролью в развитии событий, изображаемых в разных эпопеях, указывает на размытость жанровых границ эпических произведений в рамках репертуара одного сказителя, в данном случае ойратского туульчи М. Парчина.

События (рождение, обретение коня и оружия, поездка за невестой, борьба с противниками-мангусами, возвращение с невестой и добычей), типичные для ойратского эпоса в целом, нашли отражение и в сюжете эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зеве». С учетом того, что произведение «Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зеве» воспевает подвиг богатыря — главного героя, победившего врагов — зловредных мангусов и обеспечившего своим подданным мирную и привольную жизнь, его следует отнести ко второй группе ойратских героических эпопей — «былины, воспевающие славных богатырей-аристократов» (по классификации Б. Я. Владимирцова) [Владимирцов 2003: 358–359].

Главный герой эпопеи «Кигийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зеве» обладает качествами, свойственными богатырям других ойратских эпосов: сверхъестественной силой, решительностью и отвагой, магическими способностями, позволяющими добиваться намеченной цели, вступать в борьбу с могущественными противниками для спасения богатырей-побратимов, оказания помощи тем, кто

нуждается в ней. Богатырство и воинские особенности героя отражены в его имени Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве (Воздушно-холодно-сине-железное оружие), оно указывает на то, что герой является не только метким стрелком (этим качеством обладают и другие эпические персонажи), но и стремительным, непреклонным, твердым и рассудительным воином.

Источники

Владимирцов 1926 — *Владимицов Б. Я. Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия)*. Л.: Гос. академич. тип., 1926. 200 с.

Sources

Vladimirtsov B. Ya. Samples of Mongolian Folk Literature (North-Western Mongolia). Leningrad: Gosudarstvennaya Akademicheskaya Tipografiya, 1926. 200 p. (In Russ.)

Полевые материалы авторов

ПМА 2019 — Нимэн Анхбайр (Монголия, Увснурский аймак, сомон Наранбулаг). Записано Е. Э. Хабуновой в 2019 г.

Authors Field Data

Nimyan Anxbair (Mongolia, Uvs aymag. Naranbulag somon). E. Khabunova (written in 2019). (In Mong.)

Литература

Бальчигигийн 2006 — *Бальчигигийн К. Алдарт туульч М. Парчины туульс (=Эпические сказания великого туульчи М. Парчина)*. Улаанбатаар: Бемби сан, 2006. 629 с.

References

Bal'chigigijn 2006 — Bal'chigigijn K. Famous Storyteller M. Parchin's Epic. Ulaanbataar: Bembi San, 2006. 629 p. (In Mong.)

Борджанова 1978 — *Борджанова Т. Г. О жанровой специфике монголо-ойратского героического эпоса // Типологические и художественные особенности «Джангара»*. Элиста: КНИИЛИ, 1978. С. 15–24.

Bordzhanova T. G. About Genre Specifics of the Oirat-Mongolian Heroic Epic. In: Typological and Creative Features of Dzhangar. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1978. Pp. 15–24. (In Russ.)

Бичеев 2024 — *Бичеев Б. А. Структура и композиция архаического эпоса «Лучший из мужей трехлетний Мекеле» // Эпосоведение. 2024. № 4(36)*. С. 5–17. DOI: 10.25587/2782-4861-2024-4-5-17

Bicheev B. A. The Structure and Composition of the Archaic Epic The Best of Men, Three-Year-Old Mekele. *Epic Studies*. 2024. No. 4(36). Pp. 5–17. (In Russ.). DOI: 10.25587/2782-4861-2024-4-5-17

Владимирцов 2003 — *Владимицов Б. Я. Работы по литературе монгольских народов / сост. Г. И. Слесарчук, А. Д. Цендина*. М.: Вост. лит., 2003. 608 с.

Vladimirtsov B. Ya. Writings on Mongolic Literatures. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 608 p. (In Russ.)

Гацак 1971 — *Гацак В. М. Эпический певец и его текст // Текстологическое изучение эпоса: сб. ст. / отв. ред.: В. М. Гацак, А. А. Петросян*. М: Наука, 1971. С. 7–46.

Gaczak V. M. The Epic Singer and his Text. In: Textual Study of the Epic. M.: Nauka, 1971. Pp. 7–46. (In Russ.)

- Кичиков 1976 — *Кичиков А. Ш. Исследование героического эпоса «Джангар» (Вопросы исторической поэтики)*. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 156 с.
- Кичиков 1985 — *Кичиков А. Ш. Архаические мотивы происхождения героя и их трансформации в версиях «Джангара»* // Fragen der mongolischen Heldendichtung. Teil III. Vorträge des 4. Epensymposiums der Sonderforschungsbereichs 12 (Bonn, 1983) / ed. by W. Heissig. Wiesbaden: Harrassowitz, 1985. Pp. 301–372.
- Манджиева 2004 — *Манджиева Б. Б. Конструктивные элементы «тууль-улигера» в ойратском эпосе «Бум-Эрдени»* // Oriental Studies. 2004. Т. 17. № 4. С. 913–925. DOI: 10.22162/2619-0990-2004-74-4-913-925
- Неклюдов 1984 — *Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции*. М.: Наука, 1984. 309 с.
- Неклюдов 2019 — *Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный*. М.: Индрик, 2019. 592 с.
- Путилов 1988 — *Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность*. Л.: Наука, 1988. 224 с.
- Садалова, Паштакова 2025 — *Садалова Т. М., Паштакова Т. Н. Об общих сюжетных аспектах алтайских и монголо-ойратских эпических произведений* // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3(55). С. 43–50. DOI: 10.25205/2312-6337-2025-3-43-50
- Хабунова, Аюушжавийин 2025 — *Хабунова Е. Э., Аюушжавийин Алимаа. Универсальные черты героя-помощника в национальных версиях эпоса «Джангар»* // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3(55). С. 33–42. DOI: 10.25205/2312-6337-2025-3-33-42
- Kichikov A. Sh. Heroic Epic of Dzhangar: a Study in Historical Poetics. Elista: Kalmykia Book Publ., 1976. 156 p. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. Origins of a Hero in [different] Versions of Dzhangar: Archaic Motifs and their Transformations. In: Heissig W. (ed.) Fragen der Mongolischen Heldendichtung. Pt. 3. Symposium Proceedings (Bonn, 1983). Wiesbaden: Harrassowitz, 1985. Pp. 301–372. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. The Oirat Epic of Bum-Erdeni: Structural Elements of a ‘Tuul-Uliger’. *Oriental Studies*. 2023. Vol 17. Is. 4. Pp. 913–925. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-913-925
- Neklyudov S. Yu. Heroic Epic of Mongols: Oral and Written Traditions. Moscow: Nauka, 1984. 309 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. The Folklore Landscape of Mongolia: Written and Oral Epics. Moscow: Indrik, 2019. 592 p. (In Russ.)
- Putilov B. N. Heroic Epic and Reality. Leningrad: Nauka, 1988. 224 p. (In Russ.)
- Sadalova T. M., Pashtakova T. N. On Common Plot Aspects of Altai and Mongol-Oirat Epic. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2025. No. 3(55). Pp. 43–50. (In Russ.). DOI: 10.25205/2312-6337-2025-3-43-50
- Khabunova E. E., Ayuushzhavijin Alima. Universal Traits of the “Helper Hero” in National Versions of the “Dzhangar” Epic. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2025. No. 3(55). Pp. 33–42. (In Russ.). DOI: 10.25205/2312-6337-2025-3-33-42

Хабунова 2025 — *Хабунова Е. Э. Богатырь Хонгор калмыцкого эпоса «Джангар» и богатырка Янгарчы алтайского «Янгара» — герои одного ряда // Эпосоведение. 2025. № 2(38). С. 16–25. DOI: 10.25587/2782-4861-2025-2-16-25*

Khabunova E. E. The Hero Khongor of the Kalmyk Epic “Dzhangar” and the the Hero Yangarchy of the Altai “Yangar” are Heroes of the Same Row. *Epic Studies*. 2025. No. 2(38). Pp. 16–25. (In Russ.). DOI: 10.25587/2782-4861-2025-2-16-25